808
Инв 7828
1/Сти

БИБЛІОТЕКА
Педагогическаго Института
Самар. Губ. Земства.

Книги из собрания
П. Н. СИМОНИ.

Армянскія рукописи и ихъ орнаментація.

La bibliothèque d'Edchmiadzine et les manuscrits arménéiens. Par. *J. Mourier*. Tiflis. 1885.

Еще не видавъ сочиненія, заглавіе котораго здѣсь выписано, а только узнавъ, что къ нему приложены таблицы со снимками съ рисунковъ изъ армянскихъ рукописей, нельзя было не радоваться его появленію на свѣтъ. Не только за границей, но и у насъ самихъ, такъ мало пишутъ о восточныхъ нашихъ художественныхъ сокровищахъ вообще, и объ армянско-византійскомъ искусствѣ въ особенности, такъ мало есть у насъ людей, имѣющихъ хоть какое-нибудь понятіе объ этихъ оригинальныхъ памятникахъ, нигдѣ почти нѣтъ никакихъ изслѣдованій, даже простыхъ описаній, списковъ, каталоговъ,—какъ же не быть въ высшей степени довольнымъ, видя, что это положеніе дѣлъ начинаетъ измѣняться, что являются, наконецъ, попытки описать, изслѣдовать цѣлый непочатой уголъ, указать дорогу къ невѣдомымъ

Куйбышевская областная библиотека им. В. И. Ленина
2285199
7

кладовымъ. Особенно дорога должна была казаться первая проба сообщить подобнаго рода свѣдѣнія, во всеобщее извѣстіе, на французскомъ языкѣ, то-есть, дать возможность ученымъ и любителямъ всѣхъ странъ Европы обратить вниманіе на предметъ, до сихъ поръ вовсе неизвѣстный.

Первыя слова предисловія еще болѣе укрѣпляли читателя въ его предположеніяхъ и подавали ему надежду на богатое и самостоятельное содержаніе сочиненія. Г. Мурьѐ говоритъ: „Графъ Уваровъ, въ статьѣ на русскомъ языкѣ, посвященной эчміадзинской библіотекѣ, признаваясь, что не знаетъ армянскаго языка, — напечаталъ о рукописяхъ этого знаменитаго монастыря нѣсколько свѣдѣній, показавшихся мнѣ достойными труда быть переведенными на французскій языкъ. Я попробовалъ извлечь изъ 30-ти длинныхъ страницъ его статьи нѣсколько строкъ, которыхъ будетъ достаточно для того, чтобы въ сжатомъ видѣ передать свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ путешественникомъ, а также собранныя и мною".

Къ этому г. Мурьѐ прибавлялъ, что „по письму, рисованнымъ буквамъ и орнаментамъ, въ армянскихъ рукописяхъ можно отличить, рядомъ съ вліяніемъ византійскимъ или иностраннымъ, также и искусство независимое и оригинальное". Такая замѣтка опять-таки возбуждала любопытство и давала надежду найдти въ текстѣ г. Мурьѐ интересныя соображенія объ армянскомъ искусствѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало изслѣдованномъ. Поэтому, до нѣкоторой степени можно было извинить нападки г. Мурьѐ, все въ томъ же предисловіи, на графа Уварова, выразившіяся въ такихъ фразахъ, какъ: „Въ теченіе 6-ти дней, проведенныхъ графомъ Уваровымъ въ Эчміадзинѣ, онъ могъ видѣть только такія рукописи, которыя были съ миніатюрами и датированы. Если незнаніе армянскаго языка было причиною того, что посѣтитель не узналъ цѣлой массы подробностей, конечно, чрезвычайно важныхъ, то надо принять въ соображеніе, что дѣло тутъ идетъ только о священныхъ книгахъ, которыхъ содержаніе болѣе чѣмъ извѣстно... Если между 35-ю рукописями, перелистованными графомъ Уваровымъ, многія были неизвѣстны академику Броссѐ, за то 19 изъ числа изученныхъ и описанныхъ академикомъ Броссѐ не упомянуты въ статьѣ графа Уварова, потому что ихъ ему не показали. Виноватъ былъ въ томъ, по видимому, не библіотекарь Нерсесъ, но худая организація Эчміадзинской библіотеки...".

Итакъ, предметовъ обвиненія оказывается довольно много, и важныхъ: 1) графъ А. С. Уваровъ не знаетъ по армянски; 2) графъ

Уваровъ пробылъ въ Эчміадзинѣ всего 6 дней; 3) графъ Уваровъ только „перелистовалъ“ рукописи; 4) графъ Уваровъ только то и видѣлъ, что ему показали, а не показали ему многаго; 5) графъ Уваровъ изъ всѣхъ армянскихъ рукописей видѣлъ только тѣ, что съ рисунками и съ датами; 6) графъ Уваровъ пропустилъ огромную массу подробностей, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важныхъ. Но, кромѣ того, 7) и академикъ Броссѐ не все видѣлъ, что можно и надо было бы видѣть, а между тѣмъ рисунки армянскихъ рукописей имѣютъ величайшую значительность, потому что въ нихъ, кромѣ иноземныхъ (византійскихъ) вліяній, проявляется самостоятельное и оригинальное искусство.

А такъ какъ г. Мурьѐ все это видитъ, понимаетъ, чувствуетъ и знаетъ и, сверхъ того, „собралъ самъ свѣдѣнія“ объ этомъ предметѣ, которыя сообщитъ вмѣстѣ со свѣдѣніями, взятыми „съ разборомъ“ изъ 30-ти (по видимому, слишкомъ длинныхъ страницъ) графа Уварова,—то, какой же изо всего этого окончательный выводъ? Какого надо ожидать результата отъ человѣка, столько познавшаго въ несовершенствѣ другихъ и столько принесшаго своего собственнаго труда?

Конечно, можно ожидать только того результата, что авторъ обойдетъ всѣ недостатки своихъ предшественниковъ, подкрѣпитъ шаткое зданіе прочными матеріалами своей собственной работы и представитъ новое сооруженіе, столько же надежное, сколько и интересное.

Но на дѣлѣ ничего такого не вышло. Оказалось, что г. Мурьѐ никакого „резюмѐ“ изъ статьи графа Уварова не сдѣлалъ, ничего оттуда не выпустилъ (исключая нѣсколькихъ немногихъ строкъ), и просто на-просто далъ въ своемъ французскомъ текстѣ переводъ тѣхъ самыхъ 30-ти страницъ графа Уварова, которыя называетъ „длинными“. При этомъ г. Мурьѐ не прибавилъ ни единаго слова изъ тѣхъ собственныхъ своихъ наблюденій и замѣтокъ, о которыхъ повѣщалъ въ предисловіи.

Конечно, такой образъ дѣйствія наврядъ ли заслуживаетъ одобренія. Но неудовольствіе читателя усиливается еще болѣе, когда онъ убѣждается, что почти все высказанное г. Мурьѐ противъ графа Уварова вовсе не есть его открытіе, а только повтореніе, въ искаженномъ видѣ, того, что самъ же графъ Уваровъ разказываетъ въ своей статьѣ о своихъ занятіяхъ въ Эчміадзинской библіотекѣ. „Изученіе рукописей Эчміадзинской библіотеки было одною изъ главныхъ

цѣлей моего пріѣзда въ Эчміадзинъ", говоритъ графъ Уваровъ. „Патріархъ Георгій съ величайшимъ радушіемъ приказалъ показать мнѣ всѣ рукописи, а библіотекарь Нерсесъ съ полною готовностью и съ неутомимою любезностью отыскивалъ рукописи, которыя могли меня интересовать, и которыя въ особенности достойны были вниманія. При незнаніи армянскаго языка, мнѣ было пріятно найдти такого опытнаго и знающаго руководителя, какъ прокуроръ эчміадзинскаго синода, Н. С. Тер-Осиповъ. Николай Степановичъ самъ участвовалъ въ составленіи новаго, еще не напечатаннаго каталога библіотеки, а потому, вмѣстѣ съ Нерсесомъ, прекрасно зналъ, какія рукописи всѣхъ замѣчательнѣе. Онъ переводилъ мнѣ содержаніе рукописей, выходовъ и проч., и такимъ образомъ, благодаря его сочувствію, я могъ составить себѣ довольно полное понятіе о каждой изъ нихъ. Съ утра до поздняго вечера, Николай Степановичъ сиживалъ со мною въ кельи Нерсеса, куда приносились рукописи изъ библіотеки. Даже вечеромъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ Николая Степановича, продолжались наши утреннія занятія, и часто онъ мнѣ отыскивалъ въ своей библіотекѣ тѣ дополнительныя свѣдѣнія, которыя необходимы были для моихъ изслѣдованій. Его любезному содѣйствію я обязанъ всѣми свѣдѣніями, которыя собралъ о рукописяхъ эчміадзинскихъ. Желаніе изучить армянскія рукописи при незнаніи самого языка можетъ казаться страннымъ. Можно даже идти далѣе, и на томъ основаніи, что языкъ рукописи составляетъ какъ бы душу его, полагать, что при такихъ условіяхъ изученіе рукописей не можетъ принести никакой пользы. Однако мнѣ кажется, что съ такимъ мнѣніемъ можно не согласиться, потому что хотя внутренняя, духовная сторона рукописей и остается для насъ скрытою только въ ея мелкихъ подробностяхъ, но за то внѣшняя форма вполнѣ доступна, и благодаря изученію этой внѣшней формы рукописей, я прослѣдилъ исторію развитія армянской письменности. Относительно самаго письма, я убѣдился, что оно слѣдуетъ такимъ же положительнымъ палеографическимъ законамъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ языкахъ, такъ что, даже не зная языка, можно по одной формѣ письма отгадать довольно вѣрно столѣтіе, къ которому оно относится. Затѣмъ, въ заставкахъ, заглавныхъ буквахъ, или украшеніяхъ, можно узнать или чужеземное вліяніе, или мѣстное самостоятельное развитіе. Наконецъ, въ миніатюрахъ еще болѣе заключается данныхъ, какъ для исторіи иконографіи, такъ вообще и для исторіи художественнаго развитія въ Арменіи. Тутъ внимательный глазъ можетъ отыскать иногда такія

черты, которыя прямо относятся къ быту армянъ той эпохи, когда написана была рукопись. Конечно, не смотря на эти указанія, незнаніе языка все-таки лишало меня многихъ мелкихъ подробностей, весьма цѣнныхъ иногда для общей картины, которую я искалъ; но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что рукописи, которыя были мнѣ необходимы, состояли изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которыхъ содержаніе вполнѣ извѣстно“ [1]).

Какая разница между тѣмъ, что̀ мы здѣсь узнаемъ, и тѣмъ, что̀ высказано въ изданіи г. Мурьѐ! Не оказывается болѣе на лицо ни скороспѣлой работы, со стороны графа Уварова, ни помѣхъ со стороны завѣдующихъ эчміадзинскою библіотекою, ни безпомощнаго состоянія русскаго писателя, встрѣтившагося одинъ на одинъ съ языкомъ невѣдомымъ. Все на дѣлѣ произошло совершенно иначе. Приступалъ графъ Уваровъ къ своему важному труду со всею осмотрительностью и предосторожностями, необходимыми для успѣха; всю желательную помощь онъ получилъ и отъ начальства Эчміадзинской библіотеки, и отъ постороннихъ лицъ, могшихъ быть ему полезными; работалъ онъ въ библіотекѣ много и основательно, и вообще соблюлъ всѣ условія труда добросовѣстнаго и основательнаго. Что же касается, наконецъ, того обвиненія г. Мурьѐ, что-де графъ Уваровъ видѣлъ въ Эчміадзинѣ только рукописи съ миніатюрами и датированныя, то опять-таки не онъ открылъ этотъ фактъ, а самъ графъ Уваровъ разказалъ его и объяснилъ. „Такъ какъ въ продолженіе пяти или шести дней“, говоритъ онъ,—„которые я могъ посвятить на изученіе библіотеки, мнѣ не возможно было подробно изучить всѣ рукописи съ миніатюрами, то я ограничился только тѣми изъ нихъ, на которыхъ стоялъ годъ ихъ письма“. Спрашивается: что̀ же можетъ быть важнѣе и интереснѣе, въ настоящемъ случаѣ, какъ не такія рукописи, которыя имѣли художественное значеніе, и гдѣ, притомъ, обозначенъ годъ ихъ выполненія, а въ большинствѣ примѣровъ, сверхъ того, названъ городъ, гдѣ написана рукопись, и обозначено имя рисовальщика? Все это такія подробности, которыми лишь слишкомъ рѣдко можетъ пользоваться изслѣдователь, и которыя онъ всегда цѣнитъ необыкновенно высоко.

Но если даже забыть всѣ напрасные упреки г. Мурьѐ, если не обращать болѣе никакого вниманія на изумительное выдаваніе чу-

---

[1]) „Эчміадзинская библіотека“. Статья графа *А. С. Уварова*, напечатанная въ изданіи: Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ. Москва. 1879, стр. 350.

жой работы за свою, все-таки нельзя оставить въ сторонѣ способа передачи на французскій языкъ текста графа Уварова. Несомнѣнно то, что г. Мурьѐ—человѣкъ мало знающій въ дѣлѣ армянскихъ миніатюръ, а также и армянскаго искусства вообще: послѣднее было доказано вполнѣ достаточно сочиненіемъ его: „L'art du Caucase", 1883—1884 года (котораго подробный разборъ напечатанъ мною въ Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ 1885 г.). Но этого мало: въ своемъ переводѣ статьи графа Уварова, онъ дѣлаетъ на каждомъ шагу такія ошибки, наполняетъ свой текстъ такими невѣрностями, которыя совершенно искажаютъ оригиналъ и даютъ читателю самое неточное понятіе объ эчміадзинскихъ рукописяхъ.

Г. Мурьѐ вовсе не знаетъ, что̀ значатъ очень извѣстные техническіе термины: „уставъ", „полуставъ", „мелкій наклонный уставъ", и потому вмѣсто „onciale", „demi-onciale", „petite onciale penchée", онъ пишетъ вездѣ: „grandes lettres droites", „petite écriture", „écriture fine ou en caractères italiques". Точно также не знаетъ онъ, что̀ такое „бомбицинъ", и переводитъ вездѣ „papyrus". Такимъ образомъ, западно-европейскіе ученые и любители должны будутъ повѣрить совершенно неслыханному и невѣроятному факту, будто бы существуетъ на свѣтѣ цѣлая масса армянскихъ рукописей, съ XIII по XVIII вѣкъ, писанныхъ на папирусѣ! Г. Мурьѐ не знаетъ, что есть греческое слово „пентаптихъ" (костяной переплетъ, составленный изъ пяти досокъ) и, вообразивъ себѣ, не взирая на подробное объясненіе графа Уварова, что это одно и то же съ „Пентатейхомъ" (Пятикнижіемъ), преспокойно пишетъ это послѣднее слово вмѣсто перваго, и говоритъ, по этому, про небывалый „Пентатейхъ" 357 года, будто бы сохраняемый въ Парижской національной библіотекѣ. Г. Мурьѐ не знаетъ, что̀ такое „фригійскія шапки" (bonnets phrygiens), и потому вездѣ называютъ ихъ „chapeaux phrygiens", и т. д. Я не стану много останавливаться на безчисленныхъ ошибкахъ, происходящихъ уже не отъ незнанія, а просто отъ небрежности. Ихъ слишкомъ много, и я приведу лишь нѣсколько примѣровъ: „Христосъ-юноша" (le Christ adolescent) переводится у г. Мурьѐ: „le Christ enfant" (№№ 1, 22); „бѣгство въ Египетъ" переводится „sortie d'Egypte" (№ 1); „набожная христіанка Варвара" переводится „la religieuse Barbe" (№ 5); „трость" для писанія переводится, вмѣсто „calame" — „bâton" (№ 13); „архіепископъ Лука" переводится „patriarche Lucas" (№ 26), и т. д. Но самыя поразительныя невѣрности — двѣ слѣдующія: 1) „палица"

(=набедренникъ, épigonate) переведена у г. Мурьѐ—„massue“. Такимъ образомъ, часть священно-служительскаго одѣянія, носимая на правомъ боку, превратилась у него въ дубину, держимую въ правой рукѣ. 2) Находящійся въ одномъ орнаментѣ кунганъ (=восточный кувшинъ) переведенъ у него „tumulus“ (=курганъ). Положимъ, въ статьѣ графа Уварова дѣйствительно напечатано, вслѣдствіе опечатки (№ 25), „курганъ“, но такъ какъ послѣ того въ фразѣ нѣтъ уже никакого смысла, то г. Мурьѐ стоило только взглянуть на рисунокъ àтласа, приложеннаго у него же, и буквально скопированнаго съ àтласа графа Уварова, чтобы съ перваго же взгляда видѣть, что дѣло идетъ тутъ не о „курганѣ“, а о „кунганѣ“. Но г-ну Мурьѐ, по видимому, до смысла никакого дѣла нѣтъ.

Единственною заслугою г. Мурьѐ остается только фотографическій снимокъ съ костянаго переплета эчміадзинскаго Евангелія 989 г. Графъ Уваровъ подробно описываетъ этотъ любопытный и рѣдкій переплетъ и относитъ его къ IV или V вѣку по Р. Хр., цѣня его въ художественномъ и археологическомъ отношеніи наравнѣ со знаменитымъ костянымъ переплетомъ 357 г., Парижской національной библіотеки, но не приложилъ его вида въ своемъ àтласѣ: г. Мурьѐ распорядился, напротивъ, снять фотографію съ этого замѣчательнаго переплета и этимъ придалъ значительную цѣнность своей брошюрѣ.

Я такъ долго остановился на переводѣ г. Мурьѐ, потому что нельзя не сожалѣть, что первое извѣстіе, которое получатъ въ Европѣ о художественныхъ сокровищахъ Эчміадзина, будетъ до такой степени невѣрно и искажено. Говорю „первое“, потому что свѣдѣнія, находящіяся въ I томѣ сочиненія академика Броссѐ: „Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847—1848“, (St.-Pétersbourg, 1849), касаются лишь немногихъ эчміадзинскихъ рукописей (страницы 26—42), очень кратки, и говорятъ только о ихъ исторической и литературной сторонѣ. Академикъ Броссѐ даетъ обыкновенно только заглавіе рукописи, переводитъ приписки, находящіяся, изрѣдка, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, и такимъ образомъ мы иногда узнаемъ, гдѣ именно рукопись писана, въ какомъ году, при какомъ царѣ, католикосѣ, игумнѣ, настоятелѣ, кѣмъ скопирована, даже иногда, хотя рѣдко—кѣмъ разрисована. Но этимъ и ограничиваются всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя академикомъ Броссѐ. Они вовсе не касаются художественной стороны дѣла, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи академикъ Броссѐ былъ совершенно не свѣдущъ, и потому никогда не бралъ на себя рѣшать вопросы о стилѣ

и техническомъ исполненіи рисунковъ въ рукописяхъ. Графъ Уваровъ былъ, напротивъ, истинный знатокъ древне-христіанскаго, византійскаго и восточно-христіанскаго искусства, и превосходно зналъ толкъ во всѣхъ этихъ стиляхъ, въ миніатюрахъ, въ ихъ орнаментистикѣ, во всѣхъ подробностяхъ исполненія, и потому вполнѣ былъ на своемъ мѣстѣ, когда рѣшился разсмотрѣть орнаментацію армянскихъ рукописей и опредѣлить ихъ художественное значеніе. Его работа вышла превосходная, и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживала того, чтобы кто-нибудь передалъ ее на одномъ изъ обще-распространенныхъ европейскихъ языковъ съ тѣмъ, чтобъ результаты его изслѣдованій вошли въ составъ исторіи искусства. До сихъ поръ еще никто не бралъ на себя труда разсматривать армянскія миніатюры и орнаментистику, и эчміадзинское собраніе (одно изъ наиважнѣйшихъ нынѣ существующихъ) оставалось совершенно нетронутымъ. Могъ ли предвидѣть графъ Уваровъ, что его старательный и превосходный трудъ постигнетъ такая судьба во французскомъ переводѣ, что лучше ему было бы оставаться вовсе не переведеннымъ?

Однажды коснувшись армянскихъ рукописей и статьи графа Уварова, мнѣ жалко ограничиться однимъ только указаніемъ недочетовъ и промаховъ г. Мурьѐ. Такъ какъ статья графа Уварова очень мало у насъ извѣстна, такъ какъ она почти вовсе не была оцѣнена по достоинству, даже больше того—прошла почти совершенно не замѣченною въ свое время, то я считаю, что будетъ умѣстно, хотя бы даже черезъ цѣлыхъ семь лѣтъ послѣ появленія этого труда на свѣтъ, указать на его важное значеніе. Мнѣ кажется это тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что армянское и грузинское искусство имѣло, въ извѣстную эпоху, сильное вліяніе на русское искусство, въ пору его формированія, и въ настоящее время не возможно, изучая первыя эпохи русскаго искусства, по части ли архитектуры, или художественной орнаментистики, а отчасти и живописи, оставлять въ сторонѣ искусство армянское и грузинское. Помнить при этомъ только одно искусство византійское, въ немъ одномъ находить первоначальные источники нашего національнаго искусства, видѣть въ немъ одномъ всѣ прототипы нашихъ художественныхъ формъ—большое заблужденіе. Во многихъ случаяхъ, быть можетъ—всего болѣе въ русской архитектурѣ, первоначальныя вліянія были не одни только спеціально-византійскія, но также и армяно-византійскія, и грузино-византійскія.

Но я не буду говорить здѣсь про одни рисунки эчміадзинскихъ рукописей. Я считаю нужнымъ принять во вниманіе рисунки и другихъ еще армянскихъ рукописей, — и именно тѣхъ, которыя принадлежатъ монастырю отцовъ мехитаристовъ на островѣ св. Лазаря, близъ Венеціи. Графъ Уваровъ имѣлъ возможность разсмотрѣть и изучить только рукописи эчміадзинскія, ему не случилось видѣть сан-лазарскихъ. А между тѣмъ, въ своемъ кавказскомъ путешествіи, академикъ Броссѐ говоритъ (т. II, стр. 23), что Эчміадзинская библіотека занимаетъ лишь второе мѣсто въ ряду коллекцій армянскихъ книгъ: первое мѣсто принадлежитъ, по его мнѣнію, библіотекѣ мехитаристовъ на островѣ св. Лазаря. Эти двѣ коллекціи, обширнѣйшія и полнѣйшія изъ всѣхъ существующихъ армянскихъ коллекцій, должны быть изучаемы вмѣстѣ. Онѣ изумительнымъ образомъ дополняютъ одна другую, уничтожаютъ, каждая въ свою очередь, пробѣлы, оказывающіеся то въ той, то въ другой, и лишь въ общей сложности даютъ полное представленіе объ армянскомъ искусствѣ, какъ оно выразилось въ рукописяхъ.

Лѣтомъ 1880 года, я провелъ довольно много времени въ Венеціи, откуда ѣздилъ всякій день въ монастырь острова св. Лазаря, и тамъ, благодаря доброму предстательству и помощи архимандрита отца Леона Алишана, извѣстнаго археолога, изслѣдователя и писателя, получилъ доступъ къ богатымъ рукописнымъ сокровищамъ монастыря. Отецъ Алишанъ радушно помогалъ мнѣ на островѣ св. Лазаря совѣтами и указаніями среди столько знакомыхъ ему монастырскихъ сокровищъ, какъ епископъ Нерсесъ и Н. С. Теръ-Осиповъ—графу Уварову въ Эчміадзинѣ. Въ короткое время, при такомъ облегченіи труда, я получилъ возможность подробно осмотрѣть и изучить армянскія рукописи въ Санъ-Лазаро, и съ многихъ снять копіи. Моя коллекція снимковъ послужитъ мнѣ большою помощью при разсмотрѣніи многихъ эчміадзинскихъ рукописей.

Самая древняя рукопись Эчміадзинской библіотеки—это Евангеліе 989 года, № 229. Изъ приписокъ мы узнаемъ, что Евангеліе писано нѣкіимъ Іоанномъ для нѣкоего Степаноса, который построилъ монастырь Норванкъ, въ области Сюникхъ, въ 936 году по Р. Хр., а потомъ возобновилъ его, во время управленія Атабека, при патріархѣ Григоріи. Въ началѣ рукописи, говоритъ графъ Уваровъ,—находятся на нѣсколькихъ листахъ арки копытообразной формы, поддерживаемыя колоннами. На аркахъ нарисованы, парами, символическія птицы: павлины, горлицы, попугаи, куропатки, журавли. Подъ нѣкоторыми изъ

этихъ арокъ написаны евангельскіе каноны, подъ другими разныя миніатюрныя изображенія: алтарная сѣнь на колоннахъ и съ занавѣсами; Христосъ-юноша на престолѣ съ учениками по сторонамъ; Богоматерь на престолѣ; жертвоприношеніе Авраамово. Въ концѣ же рукописи находятся еще четыре миніатюры: Благовѣствованіе Захаріи; Благовѣщеніе; Поклоненіе волхвовъ; Крещеніе. Описывая подробно всѣ эти миніатюры, графъ Уваровъ признаетъ, что всѣ онѣ „имѣютъ несомнѣнный византійскій отпечатокъ, даже болѣе древняго времени, чѣмъ X вѣкъ". Такъ, напримѣръ, говоритъ графъ Уваровъ,— черныя украшенія на желтомъ далматикѣ св. Исаака, свѣтлыя одежды апостоловъ съ загадочными буквами по краямъ, какъ на древнихъ мозаикахъ римскихъ, вѣнцы голубые—все это иконографическія черты гораздо древнѣе X вѣка. „Волхвы", по костюму съ золотыми обшивками, напоминаютъ волхвовъ въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ; даже вся композиція вполнѣ напоминаетъ равеннскую мусію. „Но въ четырехъ послѣднихъ миніатюрахъ", говоритъ графъ Уваровъ, —„конечно, также преобладаютъ византійскіе образцы, но болѣе современнаго рукописи типа. Античныхъ воспоминаній тутъ почти нѣтъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя особенности указываютъ исключительно на X вѣкъ. Въ числѣ такихъ особенностей укажу на крылья ангеловъ, состоящія изъ павлиныхъ перьевъ".

Графъ Уваровъ первый описалъ эту замѣчательную рукопись (въ сочиненіи Броссѐ она была вовсе пропущена) и первый обратилъ вниманіе на ея важное значеніе. Изъ числа армянскихъ рукописей съ миніатюрами это древнѣйшая рукопись съ годомъ. Однако нельзя на ней одной остановиться. Въ библіотекѣ мехитаристовъ на островѣ св. Лазаря находится рукопись, имѣющая точно такое же важное значеніе, какъ эчміадзинская, это—Четвероевангеліе, № 22, въ большой листъ, на пергаментѣ, не имѣющее даты, но относимое армянскими палеографами несомнѣнно къ X-му вѣку, и по преданію носящее названіе „Трапезундскаго". Два эти Евангелія—старѣйшія, сколько до сихъ поръ извѣстно, армянскія рукописи, и притомъ, съ рисунками. Ни одна изъ значительнѣйшихъ европейскихъ библіотекъ не обладаетъ армянскими рукописями такой отдаленной эпохи. Значительнѣйшая изъ нихъ, Парижская національная библіотека, вообще не имѣетъ армянскихъ рукописей старше XI—XII вв. Правда, академикъ Броссѐ разказываетъ (т. 1, стр. 26), что до него доходили слухи, будто въ армянскомъ монастырѣ Аменапркичь, въ Испагани, есть древнее Евангеліе, писанное, въ 415 году по Р. Хр.,

на иждивеніи и по приказанію пресвитера Тороса и всей братіи, священникомъ Сергіемъ", но Броссѐ мало довѣряетъ этому слуху, потому что, говоритъ онъ,—армянская азбука только что была изобрѣтена св. Месрэбомъ въ 408 году, значитъ, переводъ Евангелія никоимъ образомъ не могъ быть уже сдѣланъ всего семь лѣтъ спустя. Гораздо болѣе вѣроятія было бы предполагать, говоритъ онъ, что испаганское Евангеліе писано въ 415 году армянской эры, то-есть, въ 966 году по Р. Хр. Покуда этотъ вопросъ еще не разсмотрѣнъ и не рѣшенъ, оба Евангелія, эчміадзинское и сан-лазарское, остаются древнѣйшими армянскими рукописями, и притомъ великолѣпно иллюстрированными. Въ сан-лазарскомъ нѣтъ миніатюръ, какъ въ эчміадзинскомъ, но въ обоихъ одинаково великолѣпны заставки, очень большаго формата, въ богатыхъ краскахъ, а въ сан-лазарскомъ—и съ золотомъ, котораго еще вовсе нѣтъ въ эчміадзинскомъ. Обѣ рукописи доказываютъ, что навѣрно, уже гораздо ранѣе X столѣтія миніатюрная живопись достигла въ Арменіи высокой степени совершенства. Работа, подобная той, какую мы видимъ здѣсь, является, конечно, результатомъ не одного, а нѣсколькихъ столѣтій развитія, такъ что начало армянской миніатюрной живописи и орнаментистики необходимо отнести по крайней мѣрѣ столѣтія на два, если не на три ранѣе X вѣка. Къ несчастію, изъ IX, VIII, а можетъ быть, и VII столѣтій, до насъ не дошло памятниковъ этого рода.

Какой же характеръ орнаментальнаго и декоративнаго искусства въ нашихъ двухъ рукописяхъ? Мы видѣли уже, что графъ Уваровъ находитъ во всѣхъ рисункахъ эчміадзинскаго Евангелія „несомнѣнный византійскій отпечатокъ", и только въ четырехъ послѣднихъ находитъ преобладаніе византійскихъ образцовъ, „болѣе современнаго рукописи типа". О вліяніи византійскомъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть никакого спора въ настоящемъ случаѣ, но нельзя, кажется, сомнѣваться и въ томъ, что въ X вѣкѣ дѣйствовало въ армянскомъ искусствѣ не одно только византійское вліяніе. Были въ ходу, и въ сильномъ ходу, также и другія. Это, безъ сомнѣнія, признаетъ и самъ графъ Уваровъ, потому что, описывая миніатюры эчміадзинскаго Евангелія, говоритъ объ аркадахъ „не совершенно полукруглыхъ, а имѣющихъ оттѣнокъ восточный въ копытообразной своей формѣ". Дѣйствительно, арки въ видѣ подковы встрѣчаются въ византійскомъ искусствѣ рѣдко, и притомъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда позже X вѣка. Такъ, напримѣръ, я нахожу подобныя аркады на одной миніатюрѣ Словъ Григорія Богослова, XII вѣка, № 339,

въ листъ, рукописи, находящейся въ библіотекѣ св. Екатерины Синайскаго монастыря,—въ фонѣ, позади изображенія св. Григорія Богослова (альбомъ фотографическихъ снимковъ при „Путешествіи профессора Н. П. Кондакова на Синай", л. 42), а также на миніатюрѣ „Благовѣщеніе", въ Евангеліи недѣльномъ, конца XII или начала XIII в., въ Британскомъ музеѣ, № 1810 (Harleian), въ листъ, л. 142 оборотъ [1]),—также въ фонѣ, позади Богородицы и Ангела. Но кромѣ этихъ аркадъ подковами (о происхожденіи которыхъ я буду имѣть случай подробно говорить въ моемъ изданіи: „Славянскій и восточный орнаментъ"), насъ убѣждаютъ въ присутствіи прямыхъ восточныхъ вліяній въ армянскомъ искусствѣ еще многочисленные орнаменты нѣкоторыхъ армянскихъ рукописей. Въ началѣ главъ или зачалъ въ армянскихъ рукописяхъ мы очень часто встрѣчаемъ, на поляхъ, разные небольшіе орнаменты, служащіе для отдѣленія текста, а иногда для обозначенія, цифрами, главъ или зачалъ. Въ эчміадзинскомъ Евангеліи графъ Уваровъ нашелъ для этой цѣли только круги, круглыя украшенія и кресты (см. нашу таблицу рисунковъ, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6). Уже и многія изъ этихъ фигуръ заключаютъ въ себѣ нѣчто не-византійское, особливо №№ 5 и 6, имѣющіе характеръ совершенно сирійскій, что̀ совершенно понятно при извѣстныхъ намъ раннихъ вліяніяхъ сирійскаго христіанства на армянское. Но еще болѣе убѣждаютъ насъ въ существованіи непосредственныхъ восточныхъ вліяній на армянское искусство—тѣ орнаменты, съ цифрами главъ или зачалъ, какіе мы встрѣчаемъ въ Трапезундскомъ Евангеліи монастыря св. Лазаря (на нашей таблицѣ №№ 7, 8, 9, 10, 11). Какъ форма этихъ орнаментовъ, такъ и краски ихъ, имѣютъ совершенный характеръ сассанидско-персидскій [2]). И это также вполнѣ понятно, при постоянныхъ, издревле начавшихся, соприкосновеніяхъ, то непріязненныхъ, то пріязненныхъ, но всегда могущественныхъ, Арменіи съ Персіей. Поэтому графъ Уваровъ былъ не вполнѣ правъ, когда по поводу одной рукописи XVII вѣка онъ говоритъ (стр. 373), что „начиная съ половины этого столѣтія, въ рукописяхъ армянскихъ проявляется вліяніе пер-

---

[1]) Эта миніатюра воспроизведена въ „Palaeographia sacra pictoria" оксфордскаго профессора Вествуда, изданной въ Лондонѣ.

[2]) На нашей таблицѣ мы обозначили краски на орнаментахъ Трапезундскаго Евангелія посредствомъ общепринятой условной штриховки: *вертикальные* штрихи обозначаютъ красную краску; *горизонтальные*—синюю; *косые справа на лѣво*—розовую; *косые слѣва на право*—зеленую; *крапинки или точки*—желтую; *перекрещающіеся штрихи*—черную.

сидское, какъ слѣдствіе политическаго положенія страны, и въ особенности, тѣхъ мѣстностей, гдѣ написаны были рукописи". Въ доказательство графъ Уваровъ приводитъ, между прочимъ, „Шараганъ" или „Шаракноцъ" (книгу пѣснопѣній) XVII вѣка, рукопись, принадлежащую библіотекѣ Лазаревскаго института въ Москвѣ. „Персидскій стиль примѣненъ здѣсь", говоритъ графъ Уваровъ,—„не только къ простымъ узорамъ, но даже къ композиціямъ и сценамъ чисто иконографическаго характера... Примѣрами могутъ служить миніатюры: „Жены Мироносицы", „Сошествіе св. Духа": здѣсь, не только условное положеніе фигуръ, но и столь же условная рисовка ихъ далеки отъ природы и скорѣе походятъ на расположеніе узоровъ на персидскихъ коврахъ" (стр. 373). Съ этимъ нельзя безусловно согласиться. Что въ рисункахъ XVII вѣка особенно сильно слышится персидское вліяніе—это несомнѣнно, но несомнѣнно также и то, что такого вліянія нельзя считать впервые появившимся: его легко замѣтить не только и въ XVI, и въ XV столѣтіи, но и несравненно ранѣе, начиная уже и съ X вѣка, а потому, значитъ, оно несомнѣнно существовало и еще ранѣе; но только въ XVI и XVII вѣкахъ оно могло, по какимъ-либо особеннымъ историческимъ причинамъ, проявиться съ новою силою.

Точно также графъ Уваровъ былъ отчасти не правъ, когда объявлялъ, что лишь съ XI вѣка является золото въ рисункахъ армянскихъ рукописей: „Со второй половины XI вѣка", говоритъ онъ,—„начинается, по видимому, перемѣна въ палеографическихъ признакахъ армянскихъ рукописей. Вмѣсто прежняго крупнаго устава, пишутъ теперь полууставомъ, величиною почти въ половину прежнихъ буквъ. Затѣмъ такое же измѣненіе замѣчается и въ художественной отдѣлкѣ рукописи. Попадаются миніатюры, заставки и заглавныя буквы золотомъ" (стр. 358). Графъ Уваровъ, конечно, измѣнилъ бы свое мнѣніе, относительно употребленія золота, еслибы видѣлъ рукописи библіотеки св. Лазаря. Въ приведенномъ „Трапезундскомъ" Евангеліи, X вѣка, и заставки, и многія заглавныя буквы, и различныя украшенія, особо стоящія на поляхъ рукописи (напримѣръ, великолѣпные орнаментальные кресты огромныхъ размѣровъ), разрисованы красками и золотомъ, и принадлежатъ къ удивительнымъ созданіямъ армянской миніатюрной живописи. Но несомнѣнно, что не въ X же вѣкѣ могли создаться, укрѣпиться и развиться этотъ способъ, эта система и эта мода украшенія. Мы видимъ тутъ уже полный разцвѣтъ искусства: навѣрное лѣтъ за 200, если не 300 раньше, надо

искать первыхъ начатковъ этой самой системы и моды въ армянской миніатюрной живописи. Да оно не могло иначе и быть: по какой причинѣ золото стало бы употребляться у армянскихъ миніатюристовъ только съ конца XI вѣка, когда у сирійскихъ оно было въ величайшемъ ходу еще съ VI вѣка (заставки Евангелія Рабулы, 586 года, въ Лаврентіанской библіотекѣ, во Флоренціи), у византійскихъ съ VI вѣка (заставка въ отрывкѣ Новаго завѣта, въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, Cotton Library Titus C. XV [1]), у арабовъ съ VIII вѣка (заставка въ листкахъ куфическаго корана, № 379, Берлинской библіотеки) и т. д. Почему одни армяне должны были оставаться позади другихъ въ богатствѣ орнаментаціи своихъ рукописей?

Точно также, основываясь на однихъ только эчміадзинскихъ рукописяхъ, графъ Уваровъ необходимо долженъ былъ сказать, что въ армянскихъ рукописяхъ только съ XIII вѣка впервые появляются „очертанія звѣрей“ и „постройки въ видѣ шатровыхъ башенъ“ (стр. 360; наша таблица № 16). Но сан-лазарскія рукописи измѣняютъ это утвержденіе. Въ нихъ и звѣри, и шатровыя постройки встрѣчаются уже въ рукописяхъ XI вѣка во множествѣ. Такъ, напримѣръ, въ Четвероевангеліи XI вѣка, № 196 (20), писанномъ монахомъ Хатчадуромъ и разрисованномъ нѣкіимъ Вартомъ, можно видѣть очень много птицъ и звѣрей, болѣе или менѣе фантастическихъ, но также и шатровыхъ зданій (на нашей таблицѣ №№ 12, 13, 14, 15). Изъ этого должно заключить съ полною достовѣрностью, что и тѣ и другія употреблялись армянскими рисовальщиками уже гораздо раньше.

Но если, такимъ образомъ, эчміадзинскія рукописи не всегда доставляли графу Уварову полный матеріалъ для опредѣленія характера и особенностей армянскихъ рукописей, за то во множествѣ другихъ случаевъ эта великолѣпная библіотека давала графу Уварову возможность приходить къ наблюденіямъ самымъ точнымъ и къ выводамъ самымъ характернымъ, прежде него никѣмъ не высказаннымъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что „со второй половины XI вѣка начинается, по видимому, перемѣна въ палеографическихъ признакахъ армянскихъ рукописей. Вмѣсто прежняго крупнаго устава, пишутъ теперь полууставомъ, величиною почти въ половину прежнихъ буквъ. Затѣмъ такое же измѣненіе замѣчается и въ художественной отдѣлкѣ

[1]) Часть рисунка воспроизведена въ сочиненіи: „The art of illuminating as practised in Europe from the earliest times“, by *Tymms* and *Wyatt*. London, Pl. II.

рукописей. Въ иныхъ рукописяхъ, какъ напримѣръ, въ Евангеліи 1066 года, № 369, всѣ заглавныя буквы писаны золотомъ" (стр. 358). Иногда архитектурныя и другія украшенія, въ видѣ портиковъ, колоннъ и проч., бываютъ рисованы грубо и небрежно, какъ напримѣръ, въ Евангеліи 1099 года Эчміадзинскаго монастыря, но рисунки лучшихъ рукописей этого столѣтія исполнены съ большою тонкостью, тщательностью и изобрѣтательностью. Примѣромъ тому можетъ служить приведенное уже выше Четвероевангеліе № 196 (20). Стиль продолжаетъ быть далеко не чисто-византійскимъ: армянскій элементъ высказывается въ немъ съ великою характерностью. Между прочими особенностями, можно указать на оригинальныя капители и базы колоннъ, а также и вообще на зданія такихъ формъ, которыя вовсе неизвѣстны въ Византіи. Въ миніатюрахъ, физіономіи дѣйствующихъ лицъ—чисто армянскія.

„Въ XII вѣкѣ начинаютъ писать рукописи мелкимъ почеркомъ, который замѣняетъ какъ тутъ, такъ и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, крупный уставъ; только изрѣдка пишутъ съ этихъ поръ еще полууставомъ прежнихъ временъ" (стр. 359). Замѣчательно, что одною изъ особенностей армянскихъ рукописей являются теперь заглавныя буквы, а иногда цѣлыя многосложныя заставки, рисованныя карминомъ. Вообще же говоря, рисунки и заставки XII вѣка отличаются многосложностью, богатствомъ и чисто-восточною, крайне оригинальною и изящною пестротой. Одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ между ними Четвероевангеліе 1193 года, находящееся въ библіотекѣ монастыря св. Лазаря, № 1635(40), исполненное знаменитымъ рисовальщикомъ Константиномъ для церкви Спасителя въ Скеврскомъ монастырѣ, около Ламброна, въ Киликіи, при патріархѣ Григоріѣ и Киликійскомъ епископѣ Нерсесѣ. Одна изъ его заставокъ (изданная въ краскахъ, въ книгѣ архимандрита Леона Алишана: „Киликія") представляетъ громадную арку въ видѣ подковы, разукрашенную блестящими мозаиками; арка эта покоится на изящныхъ разноцвѣтныхъ колоннахъ, съ узорными оригинальными капителями изъ звѣриныхъ головъ; вверху образъ въ цвѣтной рамкѣ, вѣроятно, также мозаичной; подъ карнизомъ — шандалы со свѣчами, птицы и разныя животныя, также цвѣты.

„Въ XIII-мъ вѣкѣ", продолжаетъ графъ Уваровъ, — „число рукописей съ годами сильно увеличивается, и художественная ихъ отдѣлка все болѣе и болѣе развивается. Въ этомъ же вѣкѣ появляются рукописи, писанныя на бомбицинѣ. Это нововведеніе принадлежитъ, вѣ-

роятно, къ самому почти началу XIII вѣка. Однако изъ десяти рукописей, которыми я пользовался, только три писаны на бомбицинѣ. Что же касается художественной отдѣлки, то она одинаково красива какъ въ пергаментныхъ, такъ и въ бомбициновыхъ рукописяхъ" (стр. 359).

Въ числѣ особенностей новаго развивающагося стиля графъ Уваровъ указываетъ на то, что заглавныя буквы сдѣланы, въ нѣкоторыхъ эчміадзинскихъ рукописяхъ, изъ перевитыхъ птицъ, звѣрей, змѣй и рыбъ, а также разныхъ фантастическихъ чудовищъ и сиренъ (стр. 361, 363). То же мы находимъ и въ нѣсколькихъ рукописяхъ сан-лазарскихъ. Но въ этомъ столѣтіи мы встрѣчаемся еще съ нѣкоторыми другими особенностями. Уже начиная съ XI вѣка, въ иныхъ армянскихъ рукописяхъ мы находимъ упоминаніе о Крестовыхъ походахъ (напримѣръ, въ Евангеліи 1099 года Эчміадзинской библіотеки, № 257); но въ XIII вѣкѣ слѣды европейскихъ элементовъ на Востокѣ высказываются еще явственнѣе. Такъ въ Библіи 1270 г., № 155, графъ Уваровъ открылъ очень любопытную фигуру Іисуса Навина, „въ вооруженіи западнаго рыцаря XIII вѣка съ копьемъ въ рукахъ" (стр. 361; наша таблица № 23). Точно также, въ другой рукописи, написанной почти полстолѣтія позже, именно въ Библіи 1318 года, № 182, онъ нашелъ воиновъ въ западно-европейскомъ вооруженіи. „Ихъ кольчуги, прямые мечи, и вообще всѣ остальныя части одѣянія вполнѣ напоминаютъ западныхъ рыцарей" (стр. 367; на нашей таблицѣ № 22). Въ этой же самой рукописи графъ Уваровъ отмѣчаетъ, что въ миніатюрѣ „Троица", Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ представлены до того тожественно, что только крестчатый вѣнецъ отличаетъ Христа. Надъ ними паритъ или слетаетъ голубь. „Такое антропоморфическое изображеніе Троицы", говоритъ графъ Уваровъ,—„составляетъ замѣчательное отступленіе отъ правилъ византійской иконографіи, которымъ обыкновенно слѣдуютъ армянскіе художники. Весьма правдоподобно, что это отступленіе явилось тутъ подъ вліяніемъ латинской иконографіи, такъ какъ въ византійской подобныя изображенія Троицы изъ XIV вѣка мнѣ неизвѣстны" (стр. 366). Латинское вліяніе простиралось иногда такъ далеко, что въ иныхъ рукописяхъ изображено даже облаченіе западной церкви и нѣкоторыя подробности готической архитектуры. Такъ, напримѣръ, въ Новомъ Завѣтѣ 1287 года, № 234, въ миніатюрѣ „Посвященіе діакона" графъ Уваровъ нашелъ изображеніе „епископа въ латинской митрѣ, посвящающаго діакона" (стр. 362), а въ миніатюрѣ „Благовѣщеніе"—изображеніе шатровой башни, напоминающей обыкновенныя армянскія церкви, „но только съ украше-

ніями, смахивающими на готическій стиль" (стр. 362; на нашей таблицѣ № 18).

Эти указанія графа Уварова заслуживаютъ полнаго вниманія археолога и историка искусства. Но нельзя согласиться съ нимъ, когда онъ приписываетъ европейскому вліянію тѣ фигуры фантастическихъ чудовищныхъ животныхъ, которыя очень часто являются какъ вообще въ заставкахъ армянскихъ рукописей, такъ и въ особенности въ капителяхъ и базахъ колоннъ и въ другихъ архитектурныхъ частяхъ. „Капители съ головами фантастическихъ звѣрей", говоритъ графъ Уваровъ, подробно описывая Новый Завѣтъ 1287 года, № 234,—„можетъ быть, служатъ воспоминаніемъ романскихъ, которыя тоже украшались звѣриными головами" (стр. 361). Это самое онъ повторилъ и при описаніи Библіи 1318 года, № 182: „Въ одномъ украшеніи художникъ представилъ два тѣла сиренъ съ одною головою (на нашей таблицѣ № 30), воспоминаніе тѣхъ фантастическихъ львовъ и грифоновъ съ двумя тѣлами и одною головою, которыя часто встрѣчаются на изгибахъ романскихъ капителей" (стр. 366). Но здѣсь графъ Уваровъ совершенно упустилъ изъ виду то, что и сама-то романская архитектура на добрую половину составлена изъ элементовъ азіатскихъ. „То, что̀ мы называемъ романскимъ стилемъ", справедливо говоритъ Віоллѐ-ле-Дюкъ,—„есть не что иное, какъ азіатскій напосъ на римской основѣ" (Viollet-le-Duc, L'art russe. Paris. 1877, p. 32). Притомъ трудно себѣ представить, чтобъ армянской архитектурѣ понадобилось заимствовать звѣриныя капители и вообще изображенія изъ Европы, отъ романской архитектуры, въ такое время, когда уже цѣлыхъ лѣтъ сто или двѣсти раньше исчезла и сама-то романская архитектура изъ Европы, и вовсе перестала существовать, между тѣмъ какъ у армянскаго искусства всегда были готовые, постоянные прототипы и образцы тѣхъ же элементовъ предъ глазами, на Востокѣ, съ которымъ оно было постоянно въ общеніи, и отъ котораго постоянно такъ много заимствовало. Впрочемъ, я здѣсь только вскользь указываю на этотъ вопросъ. Подробно онъ будетъ разсмотрѣнъ въ сочиненіи моемъ „Славянскій и Восточный орнаментъ".

Къ числу особенностей рисунковъ XIII вѣка графъ Уваровъ относитъ еще то, что арабески въ заставкахъ, какъ, напримѣръ, въ Библіи 1295 года, № 157, „заканчиваются или фантастическими звѣриными или человѣческими головами, въ фригійскихъ шапкахъ, съ какимъ-то восточнымъ типомъ. Но это рѣзкое отступленіе отъ византійскихъ образцовъ не сохранилось въ другихъ, почти современныхъ

рукописяхъ" (стр. 363; на нашей таблицѣ № 19). Это вѣрно въ отношеніи эчміадзинскихъ рукописей, но въ сан-лазарскихъ можно встрѣтить не мало примѣровъ того же самаго. Я особенно укажу на Четвероевангеліе 1269 года, № 600 (67), писанное въ Киликіи, въ городѣ Сисѣ, нѣкіимъ Константиномъ Рипсиміанцомъ: здѣсь, между прочимъ, передъ Евангеліемъ отъ Марка помѣщена чрезвычайно любопытная заставка (на нашей таблицѣ № 17), гдѣ, какъ въ эчміадзинской Библіи 1295 года, можно видѣть любопытное смѣшеніе восточной орнаментистики и фантастическихъ звѣрей съ человѣческими головами, въ фригійскихъ шапкахъ.

„Въ десяти рукописяхъ XIV вѣка, изученныхъ мною", говоритъ графъ Уваровъ,—„художественная отдѣлка, красота и правильность рисунковъ такъ изумительны, что можно навѣрное сказать, что духовныя лица, занимавшіяся миніатюрами, получили художественное воспитаніе, и умѣнье въ рисовкѣ пріобрѣли, упражняясь въ копированіи съ натуры и подъ руководствомъ отличныхъ мастеровъ". Къ этой характеристикѣ графъ Уваровъ прибавляетъ еще, что изображаемыя въ въ миніатюрахъ зданія — церкви, башни „получаютъ все болѣе и болѣе фантастичный видъ" (стр. 365—366; на нашей таблицѣ №№ 24, 26, 29).

Изъ этой эпохи высокаго процвѣтанія армянской миніатюры можно было бы указать довольно образцовъ, даже внѣ рукописей сан-лазарскихъ, почти во всѣхъ главныхъ европейскихъ библіотекахъ, парижской, берлинской, ватиканской и другихъ. Къ числу богатѣйшихъ и совершеннѣйшихъ рукописей этого рода принадлежитъ Четвероевангеліе XIV вѣка, на пергаментѣ, въ малую 4-ю д. л., поднесенное Эчміадзинскимъ католикосомъ императору Александру II 19-го февраля 1880 года, въ день 25-лѣтія его царствованія. Роскошь рисунковъ, изумительное разнообразіе и изобрѣтательность въ подробностяхъ, блескъ красокъ и тонкость выполненія дѣлаютъ рисунки этой рукописи истинными миніатюрными алмазами.

Про Библію 1318 года, № 182, графъ Уваровъ замѣчаетъ: „Она писана на тонкомъ пергаментѣ, мельчайшимъ, но краспвымъ почеркомъ, тѣмъ же архимандритомъ Киракосомъ, который написалъ Библію 1317 года. Въ два года переписать цѣлую Библію два раза, такимъ красивымъ, четкимъ, хотя и мелкимъ почеркомъ, доказываетъ удивительный навыкъ армянскихъ писцовъ. Понятно, по быстротѣ этой работы, что миніатюры и украшенія должны быть рисованы другимъ лицомъ, чѣмъ писецъ. Неизвѣстный художникъ показалъ не только

БИБЛІОТЕКА ...

искусство и умѣнье, но даже и удивительное мастерство украшать цѣлыя страницы самыми причудливыми, а между тѣмъ изящными арабесками и сплетеніями, въ которыхъ онъ соединялъ человѣческія фигуры съ фантастическими животными, съ цвѣтами и узорами". Въ числѣ украшеній на поляхъ графъ Уваровъ указываетъ здѣсь на одно особенно характерное (на нашей таблицѣ № 21). „Художникъ пустилъ здѣсь", говоритъ онъ,—„во всю длину листа, вдоль текста, цѣлое длинное и узкое украшеніе, состоящее изъ фантастическаго сплетенія самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Женскія головы въ красныхъ уборахъ, украшающія этотъ орнаментъ, вѣроятно, изображаютъ тѣ головные уборы, которые носились въ Арменіи въ XIV вѣкѣ" (стр. 366). Дѣйствительно, и этотъ уборъ, и физіономія особы женскаго пола, вполнѣ армянская, въ высшей степени интересны и замѣчательны. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ подобныя женскія головы въ національныхъ уборахъ и съ характерными, очень индивидуальными чертами лица, еще ранѣе XIV вѣка. Такъ, въ Четвероевангеліи 1254 года, принадлежащемъ библіотекѣ св. Лазаря, № 1374(4) и писанномъ въ Римѣ, въ армянскомъ монастырѣ Пресв. Дѣвы, позади алтаря собора св. Петра, пресвитеромъ Іоанномъ, мы видимъ (на нашей таблицѣ № 20) евангельскіе каноны съ изображеніемъ женщины, по поясъ, съ армянскою физіономіей и въ армянскомъ головномъ уборѣ, держащей обѣими руками свитки.

Въ этомъ же XIV вѣкѣ, а также и въ послѣдующихъ, сильно распространены въ армянскихъ рукописяхъ изображенія сиренъ, иногда съ открытою головою, иногда въ головныхъ уборахъ, подобныхъ тѣмъ, что̀ мы только что видѣли въ Библіи 1318 года, иногда наконецъ въ шапкахъ, похожихъ на фригійскія. Для образца приведемъ, изъ числа рисунковъ эчміадзинскихъ рукописей, кромѣ примѣра, уже приведеннаго подъ № 21, нѣкоторые взятые изъ Библіи 1317 года, № 181 (на нашей таблицѣ № 28), изъ Библіи 1318 года № 182 (на нашей таблицѣ №№ 25 и 30).

Въ XV и XVI вѣкахъ армянскія рукописи продолжаютъ выполняться съ большимъ изяществомъ и часто роскошью. Такихъ рукописей мало въ Эчміадзинской библіотекѣ, но ихъ довольно много въ разныхъ европейскихъ библіотекахъ (въ Сан-Лазаро, Берлинѣ, Парижѣ и т. д.). Замѣчательно, что наравнѣ съ элементомъ фантастическимъ и отчасти византійскимъ все болѣе и болѣе выступаетъ наружу элементъ національный армянскій: все болѣе и болѣе является въ миніатюрахъ изображеній человѣческихъ фигуръ въ костюмахъ чисто армянскихъ,

2285199

съ физіономіями вполнѣ армянскими, сценъ изъ народнаго армянскаго быта, которыя могутъ прямо служить любопытными иллюстраціями исторіи армянской культуры и быта. Изъ числа очень многихъ такихъ изображеній, попадавшихся мнѣ въ армянскихъ рукописяхъ, я приведу здѣсь для примѣра (на нашей таблицѣ №№ 31 и 32) изображенія двухъ личностей изъ армянскаго простонародья, по видимому, пастуховъ или вообще поселянъ, изъ нихъ одинъ играетъ на дудкѣ. Обѣ фигуры взяты мною изъ Четвероевангелія XVI вѣка Берлинской королевской библіотеки, № 281, 4°, на лощеной бумагѣ, изъ собранія Минутоли.

„Съ XVII вѣкомъ", продолжаетъ графъ Уваровъ, — „число армянскихъ рукописей съ миніатюрами увеличивается. Не смотря на успѣхи книгопечатанія, армянскіе писцы продолжаютъ изготовлять роскошныя рукописи, въ которыхъ художественная красота не уступаетъ красотѣ письма. Хотя всѣ украшенія и миніатюры сдѣланы весьма изящно, но единство стиля совершенно утрачивается, вслѣдствіе мѣстнаго вліянія страны или города, въ которыхъ написаны рукописи. Писцы щеголяютъ также пергаментомъ, который предпочитаютъ бомбицинѣ или бумагѣ, но за то и пергаментъ отличается тонкостію и бѣлизною. Миніатюры въ рукописяхъ XVII вѣка рѣдко занимаютъ всю величину страницы. Большею частію страница раздѣлена на правильные четырехугольники, гдѣ помѣщены отдѣльные сюжеты. Правильность въ рисункахъ человѣческихъ фигуръ замѣчательна, но композиція самыхъ сюжетовъ по преимуществу заимствована съ извѣстныхъ образцовъ. Для сценъ Ветхаго Завѣта армянскіе художники пользовались западными гравюрами и даже гравюрами нѣмецкихъ изданій Библіи. Заглавныя буквы состоятъ большею частію изъ животныхъ, и весьма рѣдко изъ однихъ цвѣтовъ или узоровъ. Что же касается до изображенія евангелистовъ, то они по прежнему писаны по византійскимъ типамъ, но уже въ манерѣ италіанскихъ художниковъ, что̀ и въ русской иконописи называется „по-фряжскому". Техническое исполненіе этихъ миніатюръ и узоровъ постоянно придерживается однихъ и тѣхъ же правилъ. Золото накладывается листами. Отдѣлка одежды весьма правильна и красива, но драпировка и складки расположены не совсѣмъ натурально и слишкомъ изысканно" (стр. 371).

Соглашаясь вполнѣ съ этими характеристиками, справедливость которыхъ доказывается множествомъ армянскихъ рукописей и внѣ

НАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

Обозначеніе красокъ къ №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 31, 32.

(КРАСНАЯ ЖЕЛТАЯ СИНЯЯ ЗЕЛЕНАЯ РОЗОВАЯ МАЛИНОВАЯ ТЕМ. КОРИЧНЕВ. ВЪ СРЕД. ТОНКІЙ ШТРИХЪ ОБОЗНАЧ. БЛИКЪ.) Контуры: 12, 13, 14, 15, 17. ЧЕРНЫЙ. 20. КРАСНЫЙ. 7, 8, 9, 10, 11, 31, 32. СВѢТЛО-КОРИЧНЕВЫЙ.

Эчміадзина, я прибавлю однакоже, что вовсе не всегда и не постоянно замѣчается въ армянскихъ рисункахъ этой эпохи полное и преобладающее вліяніе западной иконографіи и орнаментальныхъ формъ. Я, напротивъ, встрѣчалъ въ разныхъ библіотекахъ очень много рукописей съ рисунками, гдѣ вовсе не чувствуется никакого западноевропейскаго и латинскаго вліянія, и гдѣ всѣ формы продолжаютъ быть то исключительно византійскими, то византійско-армянскими, то чисто-армянскими. Послѣднее особенно относится къ орнаментистикѣ въ заставкахъ, въ заглавныхъ буквахъ и въ украшеніяхъ на поляхъ рукописей. Здѣсь армянскіе художники являются людьми, одаренными неизсякаемою фантазіей, безпредѣльною изобрѣтательностію и тонкимъ вкусомъ, какъ въ формахъ, такъ и въ краскахъ. Персидскія вліянія повсюду до извѣстной степени чувствуются, но еще болѣе бросаются въ глаза національныя особенности склада физіономіи и костюма. Человѣческія фигуры часто рисованы грубо и неуклюже, но за то орнаментистика — истинный верхъ совершенства, чисто въ восточномъ, своеобразномъ родѣ. Она наполнена животными, птицами, рыбами, фантастическими чудовищами, сиренами, крылатыми существами, деревьями, цвѣтами, гирляндами— все это очень похожее на восточные эмали, ковры, узоры на матеріяхъ, сосудахъ, стѣнныхъ инкрустаціяхъ и кафеляхъ. Это цѣлый атласъ богатѣйшей и разнообразнѣйшей восточной орнаментистики. Между роскошнѣйшими образцами я могу указать на многочисленныя украшенія, наполняющія двѣ мнѣ особенно хорошо извѣстныя армянскія рукописи XVII вѣка маленькаго формата: одна изъ нихъ есть Четвероевангеліе 1635 года, на пергаментѣ, принадлежащее А. В. Звенигородскому и писанное монахомъ Сахакомъ въ городѣ Багешѣ, близъ озера Вана, во время патріаршества католикоса Пилибоса (Филиппа); другая—Шаракноцъ (стихирарь) 1645 года, на пергаментѣ, принадлежащій Императорской Публичной Библіотекѣ и писанный въ Кафѣ. Обѣ рукописи — превосходны по орнаментамъ.

Кончаю свои замѣтки пожеланіемъ, чтобы статья графа Уварова, этотъ первый опытъ критическаго разсмотрѣнія миніатюръ армянскихъ рукописей, статья столько замѣчательная, свидѣтельствующая о такомъ солидномъ знаніи дѣла, была переведена (но только вѣрно, не на манеръ г. Мурьé) на французскій или нѣмецкій языкъ и послужила бы иностраннымъ ученымъ надежнымъ указаніемъ и руководствомъ, а вмѣстѣ познакомила бы ихъ съ великими, неоцѣненными

{ЧР54} НЕТ

сокровищами Эчміадзинской библіотеки. До сихъ поръ никто еще, ни въ остальной Европѣ, ни у насъ, не предпринималъ того, что̀ такъ превосходно выполнилъ графъ Уваровъ.

В. Стасовъ.

Типографія В. С. Балашева. Екатерининскій каналъ, № 78.